

УДК 316.32

**РОССИЙСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ И СПЕЦИФИКА**

© 2014 г. Т. Н. Воронцова

**Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт)**

В статье анализируются социокультурные основания гражданского общества в России. Рассматриваются особенности отечественных общественных объединений, этапы их развития и характер взаимодействия с государством.

Ключевые слова: *гражданское общество; социокультурный подход; общественные объединения; патернализм.*

The article is devoted to analysis of the socio-cultural foundation of civil society in Russia. Peculiarities of national public associations, stages of their development, the nature of interaction with the state and role in the development of Russian civil society are considered.

Key words: *civil society; socio-cultural approach; public organizations and associations; paternalism.*

Проблематика гражданского общества стала уже традиционной как для отечественного научного дискурса, так и для политических дискуссий. Сложности развития гражданского общества в нашей стране, наблюдающиеся на протяжении двух последних десятилетий, большинство ученых связывают с ее социокультурной спецификой, с одной стороны, отторгающей западные модели, а с другой стороны, оказывающей «мутирующее» влияние на функционирование его структур.

По мнению некоторых авторов, разрыв между необходимыми условиями для создания гражданского общества и имеющейся в России культурной «почвой» настолько велик, что ставит под сомнение возможность его «взрачивания» в нашем отечестве. К примеру, З. Г. Кирдина полагает, что понятие «гражданского общества» ценностно нагружено и настолько тесно привязано к западному обществу — обществу с доминированием институтов Y-матрицы, что использовать его в другом институциональном и идеологическом контексте вряд ли целесо-

образно. Для обозначения социальной активности населения за пределами частной жизни в российских условиях более уместным является термин «гражданское участие» [2, с. 68].

Российское общество исследователи характеризуют как тип государственно-центристского общества, в развитии которого особую роль играет государственность. Как отмечают А. В. Лубский и Р. А. Лубский, в нашей стране государственность является доминантной формой интеграции, которая подобно «обручу» скрепляет разнородные земли, народы и культуры и формирует единый для российской цивилизации нормативно-ценностный порядок. По мнению авторов, специфические черты российской государственности — этатизм и патернализм — можно рассматривать в качестве «культурных маркеров цивилизационной идентичности в России» [3, с. 94, 100]. Этатизм проявляется как фетишизация и сакрализация государства, что ориентирует человека на подчинение государственной власти. В свою очередь, патернализм как стремление государственной власти к контролю и попечительству над об-

ществом и в то же время общественная потребность в такой опеке устойчиво воспроизводят вертикальные связи в ущерб горизонтальным, характерным для гражданских отношений. Эти черты, вошедшие «в кровь и плоть» российского народа, его ментальность, не могут не препятствовать развитию гражданского общества в нашей стране.

Другие авторы смещают акцент на исследование современных форм гражданской активности россиян и выделение на этой основе социокультурной специфики отечественного гражданского общества. По их мнению, Россия с ее уникальным сплавом восточной и западной культур, стремлением к социальной справедливости, с одной стороны, а с другой — укорененными патерналистскими традициями и выраженной вертикалью власти может внести свой вклад в общечеловеческий поиск разнообразных форм гражданского общества.

Ключевым элементом гражданского общества являются добровольные ассоциации, в рамках которых на «низовом уровне» происходит становление и распространение практик и ценностей активистской гражданской культуры. Влияние социокультурных особенностей россиян на преобразование форм гражданского общества ярче всего проявляется в деятельности этих структур — некоммерческих организаций. Развитие НКО в нашей стране невозможно рассматривать вне анализа их взаимоотношений с государством. Л. И. Якобсон и С. В. Санович выделяют три модели в эволюции российского третьего сектора: модель скрытого роста, характерная для советского периода, импортозависимая модель, получившая распространение в 1990-е годы и отличающаяся трансфером культуры западного третьего сектора, и укорененная модель, развивающаяся с начала 2000-х гг., «доморощенная» по сравнению с предшествующей «импортированной» и более тесно связанная с отечественными культурными ценностями [6, с. 21].

Сравнение двух последних моделей, формирующихся в постсоветский период, отражает направленность трансформационных процессов в России и демонстрирует изменения в отношении государства к структурам гражданского общества. В первые перестроечные годы отечественный третий

сектор развивался преимущественно за счет зарубежных доноров, которые предоставляли не только средства, но и импортировали идеи, знания, навыки и организационную культуру. На данном этапе бурного роста гражданской активности роль государства сводилась, в основном, к «доброжелательному невмешательству» в дела третьего сектора [6, с. 26]. Эту модель взаимодействия государства и общественных организаций, при которой все НКО имели равные шансы, можно назвать плюралистичной, однако история ее существования оказалась непродолжительной.

После всплеска активности масс конца 1980-х — начала 1990-х гг. общественные инициативы пошли на спад, а в отношении государства к гражданскому обществу наметилось усиление контроля. В начале 2000-х гг. формируется корпоративная модель, когда власть, исходя из собственных предпочтений, поддерживает определенные организации и игнорирует другие [1, с. 675]. Покровительство стало осуществляться в отношении НКО, занятых социальными проблемами, а гражданские ассоциации, склонные к политизации деятельности, попадали в списки неудобных. Для корпоративной модели характерно использование институтов гражданского общества в качестве «продолжения и дополнения» государства в общественной жизни. Показательно распределение средств из госбюджета, выделяемых на поддержку НКО в 2006–2008 гг.: примерно треть всех средств была направлена на проекты по защите малоимущих граждан, еще треть — на поддержку молодежных инициатив и здорового образа жизни, почти четверть — на проекты в области культуры и образования. Немногим более одной десятой выделено на правозащитные проекты и правовое просвещение граждан, хотя эти направления деятельности НКО (наряду с экологическим) по своей значимости занимали второе место, уступая лишь социальным [6, с. 31].

Стремление власти управлять третьим сектором сопровождается ужесточением законодательства в отношении НКО, повышением требований к их регистрации и отчетности. Новое законодательство о деятельности НКО многие эксперты оценили как репрессивное. Оно привело к уходу круп-

ных зарубежных благотворительных фондов из России. Государственная риторика по поводу необходимости развития гражданского общества приводит к нарастанию тенденции создания псевдо-НКО, лишь имитирующих общественные инициативы. Отсутствие стабильных источников финансирования общественных организаций заставляет их работать в режиме выполнения требований заказчиков или ограничиваться небольшими проектами и локальными целями. Это существенно сдерживает возможности развития НКО. Так постепенно формируется «национальная модель» российского гражданского общества — патерналистская, при которой роль государства усиливается, а общественные инициативы затухают. Л. И. Якобсон и С. В. Санович называют эту модель «укорененной» в российской жизни со всеми ее успехами и болезнями, традициями доминирования государства и вольнолюбием [6, с. 32].

Все исследования последних лет фиксируют постоянно снижающийся уровень социальной и политической активности россиян. Выросло целое поколение людей — пассивных и индифферентных, опирающихся в решении проблем на традиционные практики протекционизма и коррупции. В то же время «хоронить» гражданское общество рано — рост волонтерского движения, активное участие тысяч людей в благотворительных, экологических акциях, протестных движениях говорит наличии и востребованности социальной активности в России. А. Э. Страдзе определяет социальную активность россиян как активность без идеала, или инструментальный активизм, направленный на достижение непосредственных целей [5]. Эта установка обуславливает тот факт, что в России большинство гражданских организаций являются проблемно-ориентированными. НКО образуются людьми, чьи личные интересы непосредственно связаны с решением проблемы (родители детей-инвалидов, люди, проживающие в экологически неблагоприятной местности, страдающие от какого-либо заболевания, матери солдат-призывников, общества обманутых дольщиков и т. д.). Широкие групповые интересы пока слабо отрелексированы и артикулированы, и потенциал самоорганизации сосредоточен вокруг локального «обустройства повседневно-

ности» [6, с. 29]. Общественные организации в России служат не столько самовыражению личности, как на Западе, сколько решению острых социальных проблем, являясь индикаторами беспокоящих общество сфер.

Отличительной чертой организационной культуры российских объединений является ярко выраженное лидерство. Лидер в российских НКО играет гораздо более важную роль, чем в западных: он служит локомотивом организации, поддерживает ее каждодневную деятельность, налаживает сотрудничество с другими НКО, бизнесом и властью. Однако лидеры общественных организаций редко поднимаются на более высокий уровень — уровень лидеров местных сообществ, что объясняется недоверием к их деятельности или сомнением в ее эффективности, стремлением властей сдерживать популярность «активистов из народа».

Социальную базу российского гражданского общества чаще всего отождествляют со средним классом, как на Западе, и успешное развитие НКО напрямую связывают с его ростом. В то же время некоторые авторы указывают на то, что в России средний класс малочислен (20–22%) и не характеризуется гражданскими добродетелями, его активность — социальная химера [5, с. 50]. Основную роль в конституировании социальной базы гражданского общества играют люди среднего возраста с высшим образованием, обладающие гражданской позицией, альтруистическими устремлениями и участвующие в социальных практиках гражданского общества. Ядро социальной базы гражданского общества составляют 7,7% россиян, однако потенциальная база его гораздо шире, если включать в нее людей, не только участвующих в практиках гражданского общества, но и ориентированных на это [4, с. 45].

Формирующееся в России гражданское общество не свободно от «родимых пятен» патерналистского наследия, которым противостоит немалый потенциал благотворительности, взаимопомощи и альтруизма, также прочно укорененный в нашей культуре. В общественных организациях создается возможность для их развития и трансформации в активистское гражданское участие. Превратится ли эта возможность в действительность — во многом зависит от позиции государства.

Литература

1. Белокурова Е. В. Государство и благотворительные организации: трансформация моделей взаимодействия. // Благотворительность в России. — СПб.: «Лики России», 2001.

2. Кирдина З. Г. Гражданское общество: уход от идеологии. // Социологические исследования. — 2012. — №2. — С. 63–73.

3. Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России. // Гуманитарий Юга России. — 2013. — №3.

— С. 90–103.

4. Мерсиянова И. В. Социальная база российского гражданского общества. // Общественные науки и современность. — 2009. — №4. — С. 35–45.

5. Страдзе А. Э. Парадоксальность социальной активности в российском обществе. // Гуманитарий Юга России. — 2013. — №1. — С. 44–56.

6. Якобсон Л. И., Санович С. В. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения. // Общественные науки и современность. — 2009. — №4. — С. 21–34.

Поступила в редакцию

22 сентября 2014 г.

Татьяна Николаевна Воронцова — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и право» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Tatiana Nikolaevna Vorontsova — Ph.D., Candidate of Philosophy, docent at the South-Russian State Polytechnic University (NPI) Philosophy and Law department.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел: +7 (8635) 25-54-27; e-mail: vorontsovatn@mail.ru